

**Алексей
Новиковский**

Можете ли вы представить себе современный город с населением более двух миллионов человек без интернета и сотовой связи? Да? А ещё без кока-колы, джинсов и супермаркетов? Тоже можете? Тогда попробуйте представить этот город без рекламных щитов, гаражей и автостоянок, без бродячих собак и свалок вокруг мусорных контейнеров, без разукрашенных надписями стен и дискотек, без заклеенных разношёрстными объявлениями заборов и без окурков на тротуарах и пустых бутылок на газонах, без уличной преступности и наркомании? Не получается? Тогда вам надо отправиться в Пхеньян, как сделали это мы, двое обыкновенных россиян, - автор этого очерка и программист из Санкт-Петербурга Пётр Соболев.

Путешествие в эпоху чучхе

Корейский пограничник, взглянув на мой паспорт, с явным удивлением спрашивает: «Россия?» Я радостно киваю в ответ, но на этом запас русских слов у лейтенанта кончается. Он несколько раз что-то спрашивает меня по-корейски, мои попытки заговорить по-английски натываются на непонимающие глаза. Наконец, лейтенант выходит из кабинки и скрывается вместе с моим паспортом за массивной дверью с надписью «Ветеринарный и фитосанитарный контроль». Через пару минут он возвращается и выдаёт через стекло ещё одну фразу: «Are you a tourist?» Получив утвердительный ответ, ставит штамп и возвращает паспорт. Петра он уже не мучает вопросами, а просто ставит штамп.

К нашему багажу у таможенников претензий нет, но в город нас не выпускают. Оказывается, представители «Рёхэнса» (северокорейский вариант «Интуриста») не успели к встрече нашего рейса. Вскоре все прилетевшие с нами пассажиры разъезжаются, и мы с Петром остаёмся вдвоём в полутёмной фильтрационной камере. Тянутся томительные минуты ожидания. Когда кто-нибудь открывает служебную дверь, мы слышим телефонные переговоры с упоминанием наших фамилий. Наконец, за нами приезжает микроавтобус из «Рёхэнса». В нём две очаровательные девушки с одинаковыми фамилиями Ли. Они будут нашими гидами, переводчицами и постоянными сопровождающими на всё время пребывания в КНДР. Без сопровождающих иностранцам в КНДР никак нельзя.

Алексей Борисович
Новиковский –
путешественник (Калуга).

Монумент идей чучхе.

Вид на город из парка Моранбон.

В Пхеньяне уже вечер, в домах зажигаются огни, но на улице фонарей нет – точнее, они не горят, и водителю приходится включать фары. Шоссе ведёт нас по мосту через реку Тэдон на остров Ян-гакдо, где расположена наша 45-этажная четырёхзвёздочная гостиница с одноимённым названием.

Формальности в гостинице занимают буквально пару минут, мы прощаемся до утра с нашими девушками, и вот уже скоростной бесшумный лифт стремительно возносит нас на 39-й этаж.

Из нашего окна открывается впечатляющая панорама ночного Пхеньяна с подсвеченным монументом идей чучхе высотой 170 метров на одном берегу реки и мемориальным комплексом на холме Мансудэ с огромной бронзовой статуей Ким Ир Сена – на другом. По тёмным улицам на пониженной скорости едут редкие машины с включёнными фарами, время от времени вспыхивают разряды от трамвайных дуг. В десять вечера подсветка монумента идей чучхе гаснет, и вся левобережная сторона города погружается во тьму. Одновременно стихает шум трамваев, и слышно

лишь приглушённое бульканье драги, намывающей песок и гальку со дна реки Тэдон, да шорохи ночных бабочек, пытающихся попасть в освещённое окно.

Утро в Пхеньяне начинается задолго до восхода солнца. Едва уловимый прохладный ветерок чуть шевелит ветви раскидистых ив по берегам реки, невольно заставляя вспомнить исконное название страны – Чосон, что переводится как «Страна утренней свежести». В четыре на улицах уже полно народа. К шести начинается настоящее столпотворение: люди штурмуют автобусы и трамваи, гроздьями висят на подножках, с мешками и коробками набиваются в грузовики. Бесчисленные велосипедисты, пешеходы с ручными тележками и тачками, служащие с портфелями и сумками, военные в тёмно-зелёных фуражках, крестьянки с грудными детьми за спиной, школьники с обязательными красными галстуками... Разношёрстная толпа методично и сосредоточенно движется в разных направлениях одновременно.

Одеваются городские жители примерно одинаково: полувоенный френч или

Влажная уборка площади.

Родной дом Ким Ир Сена в Мангендэ.

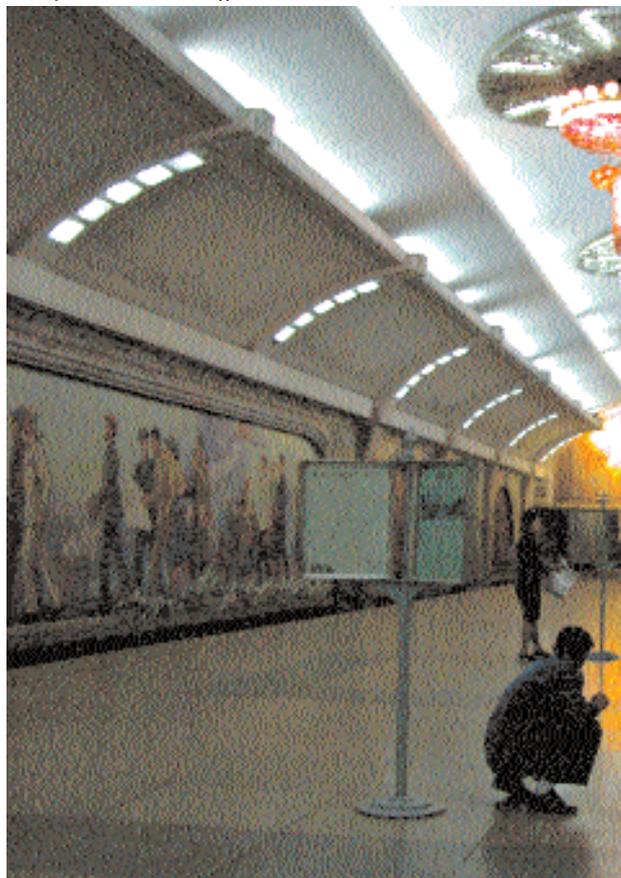
тёмный костюм с подворотничком и обязательным галстуком у мужчин, светлая блузка с тёмной юбкой ниже колен у женщин. Никаких кроссовок, никаких загнутых сверху носков туфель, высоких каблуков, мини-юбок или джинсовых курток – всё очень скромно и строго. Косметикой и украшениями корейки начали пользоваться только в последнее время, да и цены на них по местным меркам весьма кусачие. Женщин среднего и старшего возраста можно иногда увидеть в ярких национальных костюмах.

Пхеньянское метро – это две перекрещивающиеся линии, по восемь станций на каждой. Станции носят поэтические названия типа «Счастливый край», «Триумфальное возвращение» или «Урожайное поле». Интерьер станций очень напоминает старое московское метро – полированный гранит, высокие своды, тяжёлые люстры, скульптурные и мозаичные композиции. Турникеты на входе, куда нужно опускать металлический жетон, тоже вызывают ассоциации с советскими временами. Лавочек для сидения нет, но зато на каждой платформе обязательно установлен специальный застеклённый стенд, где ежедневно вывешивается свежий выпуск газеты «Нодон синмун». Несмотря на царящий полумрак, люди успевают до прихода поезда прочитать передовицу газеты.

Другая примета утра – корейцы метут и драют, моют и чистят свои дома, лестницы, улицы и памятники. Я нигде ещё не видел, чтобы десятки людей каждое утро обыкновенными вениками подметали улицу и трясли деревья напротив своего

учреждения, сразу же собирая упавшие семена, листья и ветки в мешки. Зачем? Чтобы ветер не разнёс мусор по тротуару. По корейским улицам можно, наверное, ходить в домашних тапочках и не переобуваться по приходу домой. Здесь даже

Пхеньянское метро навевает воспоминания о старых станциях московской подземки.

Пхеньянское утро.

урны в лучшем случае вы найдёте только возле гостиниц для туристов.

Программа турпоездки в КНДР обязательно начинается с посещения родного дома первого президента Ким Ир Сена в местечке Мангендэ, недалеко от Пхень-

яна. Первый руководитель КНДР родился в 1912 году, и с недавних пор в стране параллельно существуют две системы летоисчисления: одна привычная, по которой живёт весь мир, а другая – северокорейская, согласно которой сейчас заканчивается 95-й год эпохи чучхе.

Слово «чучхе» обычно приблизительно переводится как «главная основа» или «основной фундамент». Этим термином называется современная идеология КНДР, по которой хозяином революции является народ, самостоятельно решающий вопросы экономического, духовного и революционного развития и выступающий главной движущей силой прогресса. Другой вариант перевода слова «чучхе», который нам иногда приходилось слышать, – «опора на собственные силы». Основные принципы идеологии чучхе в качестве «отхода от шаблонов, предлагаемых СССР и Китаем», были сформулированы Ким Ир Сеном еще в 1955 году, когда наметились первые признаки хрущёвской «оттепели». Впоследствии прикладная система чучхе была досконально разработана в сочинениях его сына и преемника Ким Чен Ира. Слово «чучхе» встречается здесь буквально на каждом шагу: на плакатах и гранитных стенах, на значках и обложках книг, на придорожных знаках и отвесных скалах, и даже растущие на клумбах цветы порой образуют знакомое начертание.

После посещения дома Ким Ир Сена и памятника ему на холме Мансудэ, отправляемся в город Вонсан, на побережье Японского моря (в КНДР его называют Восточным морем Кореи). Здесь бессмысленно

прикидывать расстояние между пунктами А и Б по карте: дорога вьётся вьюном меж гор и ущелий, постоянно ныряет вниз и ползёт вверх, так что 200 километров мы преодолевали полдня.

Величественные горы и нависающие над дорогой скалы, изящные мосты и тёмные тоннели, мальчишки, продающие на обочинах лисички и черемшу, – обычные дорожные картинки.

Справа и слева постоянно видишь идущих или едущих на велосипедах людей. Мужчины сосредоточенно тащат поклажу в заплечных мешках, женщины несут узелки на голове, а счастливые обладатели стальных коней, то бишь велосипедов, везут пожитки в специальных корзинках на переднем багажнике. По словам наших гидов, чтобы ездить на велосипеде, необходимо сдать экзамен и получить права.

Голосующих на дороге немного, впрочем, как и попутного транспорта. Редкие грузовики всегда заполнены ящиками, дос-

ками или бочками, что, однако, не мешает поместиться в кузове ещё десятку корейцев. Такие перегрузки не проходят бесследно даже для неприхотливых японских и южнокорейских грузовиков, которые доминируют на дорогах страны. То и дело приходится видеть водителей, копающихся в моторах. Чтобы машину объезжали стороной, они вместо соответствующего знака аварийной остановки, выкладывают метров за двадцать несколько увесистых булыжников. Закончив ремонт, легкомысленные водители оставляют камни на дороге, последствия чего испытывают на себе другие проезжие.

Но вот когда дорогу перекрывает настоящий обвал, что здесь не редкость, моментально появляется мощная техника в виде американских бульдозеров и японских экскаваторов, а там, где они не могут подъ-

Велосипед – основное средство передвижения.

Ремонт грузовика в дороге.

Художники-любители в парке Моранбон.

ехать, в дело включаются военные сапёры. Отбойными молотками, ломami и тросами, а подчас и просто голыми руками они за несколько часов разбирают завал и восстанавливают движение.

Вонсан – провинциальный город, но в нём более полутора миллионов жителей. Для страны с населением в 17 миллионов человек это крупный город. В 1945 году, после разгрома японских милитаристов и освобождения Северной Кореи сюда был доставлен из СССР будущий президент

КНДР, а в то время всего лишь капитан Красной Армии Ким Ир Сен.

В Вонсане расположен важный торговый порт и международный детский лагерь «Сондовон» – аналог «Артека» советских времён. В лагере много светлых жилых корпусов, белый песчаный пляж, плавно переходящий в сосновый лес. Само название «Сондовон» и означает «Парк многочисленных сосен». На территории устроен ландшафтно-парковый комплекс. Посреди прудов с цветками

// зима 2006 //

лотоса возвышаются павильоны и беседки с загнутыми черепичными крышами, а на живописные островки с сосновыми зарослями перекинута гребенчатая мостик. Несколько женщин, стоя по пояс в воде, добывали специальными сачками со дна съедобных ракушек.

Пока мы осматривали лагерь и делали фотоснимки, появился пожилой кореец, который, очевидно, имел опыт общения с нашими соотечественниками. Услышав звуки знакомой речи, он решил продемонстрировать свой словарный запас. Между нами состоялся примерно такой диалог:

– Россия? Русские?

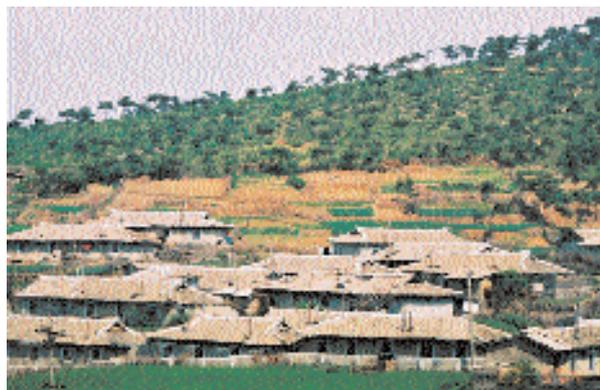
– Да, русские.

– Русские – хорошо! Привет! Дай закурить!

– Нет, мы не курим.

– Нет? Эх, б...! Спасибо! Хорошо! Русские! Пока!

После столь доброго напутствия он сел на свой велосипед и покатил дальше.

В лагере детей было мало, так как учебный год только начался (в КНДР дети идут в школу 1 апреля). В каждой из комнат, рассчитанных на 3–6 человек, с обязательными портретами Ким Ир Сена и Ким Чен Ира на стене, установлены кондиционер и телевизор, есть душ и туалет, а также чуланчик.

После того как несколько лет назад Ким Чен Ир побывал в лагере и зашёл в одну из комнат, она сразу же стала мемориальной: на стене появилась соответствующая табличка, детей в комнату селить перестали, превратив её в образцово-показательную для показа гостям. По словам наших гидов, для корейских детей пребывание в лагере бесплатное, родителям приходится оплачивать только дорогу, но смены здесь короткие – всего 10 дней.

Корея едина – свидетельствует стрижка куста.

Типичная корейская деревня.

Семья на отдыхе в парке.

Детский лагерь Сондовон.

Иностранцев, особенно европейцев, даже в Пхеньяне разглядывают с нескрываемым любопытством. Появление же туристов в провинциальном городе, да ещё без сопровождения, вызвало у местных жителей культурный шок. Гуляя по набережной Вонсана, когда минут на десять наши девушки выпустили нас из-под контроля, мы подошли к группе мальчишек лет двенадцати в красных пионерских галстуках. Сразу замолчав, они с интересом начали разглядывать нас. Наконец, один из них, собравшись с духом, поднял два пальца вверх и сказал нам «О'кей». Я спросил, говорит ли он по-английски. Мальчишка расплылся в белозубой улыбке, кивнул и снова сказал «о'кей». Тогда я поинтересовался его именем. Оказалось, что мальчика зовут тоже «о'кей». Ничего не оставалось делать, как угостить его «чупа-чупсом». Мальчишка аж засветился от радости, сунул леденец в карман, а когда мы уже отошли и глянули напоследок в их сторону, снова поднял верху пальцы и радостно крикнул своё «о'кей!».

Вообще к детям в Корее отношение особое, можно сказать, благоговейное. Родители ребенка могут одеваться довольно скромно, но дети, особенно девочки, всегда одеты ярко и нарядно. Колясок в Корее нет, и пока дети не начнут ходить, мамы таскают их за спиной в специальной перевязи.

Корейцы стараются не наказывать детей, предпочитая действовать убеждением и авторитетом. Дети же с младых ногтей впиты-

вают уважение к старшим и оказывают им всяческое почтение. Обычная уличная сцена: пионеры выходят из автобуса и помогают пожилым людям спуститься с подножки. Делается это отнюдь не напоказ, для туристов, а само собой – естественно и ежеминутно. Даже самые маленькие помогают взрослым в их делах, что-то куда-то несут в своих маленьких рюкзаках или следят за малышами. Но дети остаются детьми: после уроков они достают из сумок простенькие китайские ролики и с визгом

несутся под уклон улицы или гоняют футбольный мяч на поле возле школы.

Несмотря на довольно сложную экономическую ситуацию, государство старается действовать по принципу «всё лучшее – детям». Для них оборудуются замечательные игровые площадки и спортивные залы, организуются различные кружки и строятся роскошные дворцы. В Мангендэском дворце школьников мы присутствовали на большом концерте детской самодеятельности. Описывать сам концерт не берусь – это настоящая феерия звука, цвета и пластики. Сам же дворец впечатляет размерами, роскошью внутреннего убранства и огромным числом разнообразных детских кружков и клубов: тут и пение, и каллиграфия, и вышивание, игра на национальных инструментах, живопись, моделизм всяких направлений, десятки спортивных секций и даже резьба по кости и дереву.

Детский концерт – финал.

На следующий день едем в Нампхо, на Западное море Кореи (так здесь называют Жёлтое море). Нампхо расположен километрах в шестидесяти на юго-запад от Пхеньяна, рядом с устьем реки Тэдон.

По дороге нам впервые попала на глаза пара настоящих рекламных щитов. Единственный товар, про который можно точно сказать, что он рекламируется в КНДР, – это автомобили марки «Пхёнхва», производство которых налажено совместно с южнокорейской корпорацией «Дэу». Но реклама эта своеобразная – на щитах изображены сами автомобили, написано «АВТОМОБИЛЬ «ПХЁНХВА» и добавлено фото какой-нибудь популярной артистки кино или исполнительницы народных песен. Никаких призывов, обещаний кредита или скидок, адресов автосалонов или отзывов о машине.

В городе мы обратили внимание на несколько магазинов, где товаров на полках было заметно больше, чем в обычных лавках. Наши гиды пояснили нам, что это кооперативные магазины, где за деньги можно купить кое-какие товары и продукты, отсутствующие в государственной торговле. Так, если среднестатистический кореец получает по талонам 300 граммов мяса в месяц по фиксированной государственной цене, то в таких магазинах он может купить себе мясо по цене в несколько раз выше.

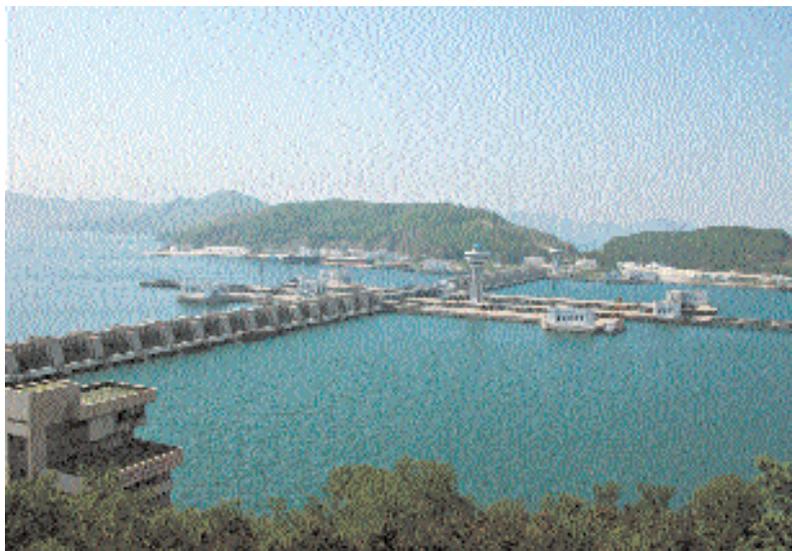

Пионеры в Мангендэ.

Замечу, что в валютных продуктовых магазинах типа «Берёзки» советской эпохи можно купить практически всё: китайскую лапшу, японский мармелад, французские вина, сингапурское пиво, русскую водку, монгольскую тушёнку, свежие южноафриканские груши, чилийские арбузы и даже страусиные яйца! Деньги с вас за это состригут немалые, но есть ВСЁ!

Такое явление, как обмен валюты, здесь практически отсутствует. Обменных пунктов там нет, есть лишь специальные кассы в валютных магазинах тех же «Берёзок», где вам пересчитают по официальному курсу сумму, указанную на ценнике в вонах. По местным законам иностранцам, за исключением сотрудников посольств, вообще не разрешено иметь на руках северокорейские деньги. Поэтому круг мест, где может отовариться турист, ограничен дюжиной валютных сувенирных магазинов

Западноморский гидрокомплекс.

с довольно стандартным набором товаров: традиционные корейские вышивки шёлком, картины-свитки с горными пейзажами или крадущимися тиграми, фигурки из поделочного камня, почтовые марки, памятные монеты, ювелирные изделия, сушёные грибы, побеги аралии и ещё какие-то корешки и растения, а также чай и различные напитки на основе женьшеня. По политическим соображениям обращение американских долларов в КНДР запрещено, однако в реальности к оплате принимают любую валюту. Зато и сдачу вам сдают

чем придётся, вплоть до японских иен или китайских юаней.

Километрах в 15 от Нампхо находится грандиозный Западноморский гидрокомплекс, представляющий собой сложную 8-километровую систему плотин, дамб и шлюзов в устье реки Тэдон. Строительство этого комплекса и его значимость для Кореи можно сравнить со строительством БАМа – те же ударные темпы, такое же напряжение всех технических и финансовых ресурсов государства, такое же воспевание героики труда в песнях и фильмах. Другое дело, что корейцы за пять лет свой комплекс построили и уже вовсю эксплуатируют, а БАМ, похоже, может воистину остаться стройкой века...

Ввод в строй этого комплекса позволил поднять уровень воды в Тэдоне, что улучшило условия для судоходства, а главное – пресная речная вода в устье перестала смешиваться с морской, благодаря чему значительно расширились площади поливных земель провинции.

Знаете ли вы, в чём главное отличие российского поля от корейского? Думаете, у нас пшеница, а у них рис? Ошибаетесь – главное отличие в том, что на корейском поле всегда полно людей. В какую бы сторону вы ни ехали, какая бы непогода ни бушевала за окном, вы увидите, как сотни и тысячи корейцев под сенью красных флагов сажают рассаду, стоя по колено в воде на своих рисовых чеках, или пропалывают грядки с капустой, или окучивают картошку, или собирают вредителей, или копают канавки для отвода воды...

Кое-где ещё пашут сохой на волах.

Техники на полях почти не видно. За всё время путешествия мы насчитали десятка два тракторов, похожих на «Беларусь», но с дощатыми кабинами. В основном работы выполняются вручную. Особенно трудоёмка посадка риса: почти весь день приходится передвигаться в наклон, втыкая нежные зелёные ростки в мутную жижу, изобилующую всякими червячками и пиявками. Даже после прохода рисопосадочного комбайна, чем-то напоминающего колёсный пароход XIX века на Миссисипи, крестьянам приходится заделывать огрехи и пропуски вручную.

На прополку сорняков выходят стар и млад – дело святое. Все вооружаются маленькими тяпками и мотыжками, и медленно продвигаются, согнувшись, вдоль бесконечных грядок. А грядки везде – под огородами отданы все свободные участки земли, включая откосы железнодорожных насыпей и спуски к набережной Тэдона. В сельской местности огороды взбираются террасами высоко по склонам гор, и порой даже трудно себе представить, как туда вообще можно залезть, не говоря уже о том, чтобы там что-то выращивать. Можно увидеть и такую картину: между краем обочины и насыпью вдоль всей дороги вскопана одна непрерывная грядка, и на ней тоже что-то посажено, а выкопанные камни аккуратно уложены в стороне.

О Северной Корее вполне можно сказать, что это страна контрастов. С одной стороны, здесь видишь шикарные гостиницы с японскими лифтами и высотные здания из стекла и бетона. С другой стороны, мимо

Памятник советским солдатам.

этих сияющих многоэтажек на дешёвых китайских велосипедах подавляющее большинство населения страны, получающее даже по официальному обменному курсу в лучшем случае долларов двадцать в месяц. Особенно разителен контраст в сельской местности, где по шоссе мчатся японские грузовики «Исудзу» или «Фусо», оборудованные анатомическими сиденьями для водителей, гидроусилителями руля и кондиционерами в кабинах, а рядом по просёлочной дороге ползёт наш допотопный ГАЗ, бензиновый мотор которого по причине топливного дефицита заменён на самодельный газогенераторный двигатель. «Бензобак» такой машины находится в кузове и представляет собой кучу хвороста или сухих стеблей кукурузы, рядом с которой установлена специальная печка. При сгорании топлива выделяет горючий газ, который затем подаётся в двигатель. Едут такие монстры не быстрее маневрового тепловоза, с трудом преодолевая даже небольшие подъёмы, а дымят и пылят на всю округу. В столицу их, естественно, не пускают.

Новый день – новые впечатления.

На холме, возвышающемся над Пхеньяном, стоит памятник в виде 30-метровой остроконечной стелы с коротким словом «Хэбан» («Освобождение»). У основания памятника две плиты с надписями на русском и корейском языках. Памятник был воздвигнут в августе 1946 года в честь советских воинов, принимавших участие в освобождении Кореи от японской оккупации в конце Второй мировой войны. Корея с 1910 года

была насильственно присоединена к Японии, и долгие десятилетия грабежа и беззаконий, творившихся на этой земле, оставили глубокую рану в душе народа. Поэтому до сих пор даже в японо-южнокорейских отношениях, несмотря на широкий объём торговли между этими странами, сохраняется холодок недоверия, а в Северной Корее эти настроения особенно заметны. Кстати, Япония до сих пор, в отличие от Германии, официально не принесла извинений и не выплатила ни иены компенсации корейцам, которые в годы войны были насильственно вывезены для рабского труда на японских шахтах и военных объектах.

К нам подходит пожилой кореец в обычном тёмном костюме. Оказывается, уже тридцать лет он является бессменным хранителем и сторожем монумента советским солдатам. Этот человек встречал здесь многих советских и российских гостей, включая президента В.В. Путина. Жаль, говорит он, что нечасто заходят сюда российские туристы: мы с Петром оказались первыми за последние два года. Действительно, жаль.

Буддийский храм Похён построен в 1042 году. Посреди храмового двора установлена чёрная каменная плита, испещрённая китайскими иероглифами, подтверждающая закладку храма в те далёкие времена. Рядом две каменные многоярусные пагоды, а в самом дальнем павильоне, под сводами черепичной крыши – огромные статуи Будды и его верных последователей. В одном из павильонов размещается богатейшая коллекция

Вход в храм Похён.

корейских ксилографов – книг, которые печатались с деревянных досок. Книгохранилище заполнено аргоном для предотвращения контакта бумаги с воздухом. Интересно, что первый наборный металлический шрифт и книги, изданные наборным способом, появились в Корее задолго до рождения Иоганна Гутенберга. Одна из таких медных литер (точнее, иероглиф) также выставлена на обозрение посетителей книгохранилища.

Грандиозное впечатление оставляет Выставка дружбы между народами – так называется дворец, где хранятся подарки, которые в своё время были преподнесены Ким Ир Сену и Ким Чен Иру государственными деятелями и общественными организациями разных стран. В этом каменном сооружении шесть этажей, но нет ни единого окна, хотя снаружи создаётся впечатление, что дворец сделан из дерева и что в нём есть окна. Внутри ведут массивные медные двери, каждая весом в четыре (!) тонны. У дверей – почётный караул. Успеваю заметить, что гвардейцы во-

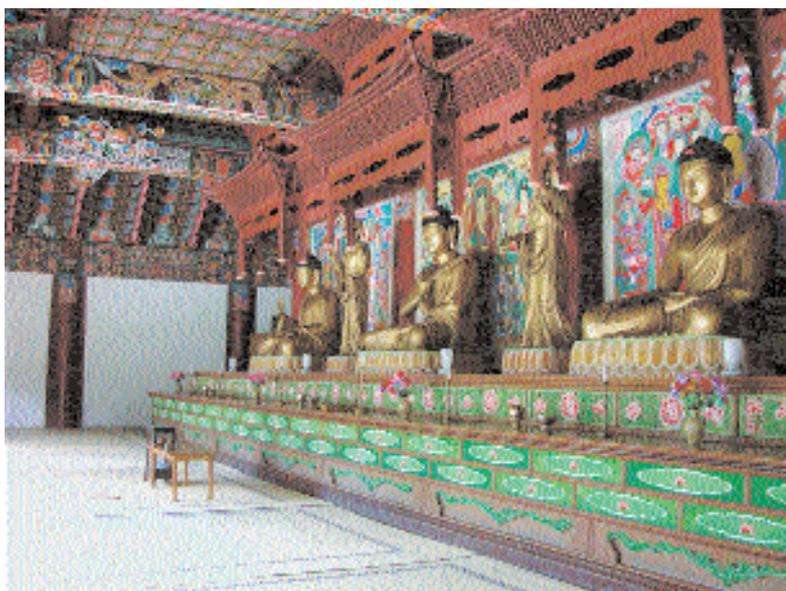
В Долине девяти водопадов.

Чжунимун – Ворота Искренней Преданности в храме Похён.

Позолоченные статуи будд внутри павильона.

оружены автоматами Калашникова с прижатыми штыками и что все металлические части автоматов как будто посеребрены. Но разглядывать, а тем более фотографировать военных здесь нельзя, саму экспозицию снимать тоже запрещено, поэтому мы сдаём фотоаппаратуру в камеру хранения, переобуваемся в мягкие бахилы и идём осматривать выставку.

Здесь 200 залов, в которых демонстрируется более 210 тысяч подарков. Самым первым (и самым габаритным) экспонатом стал железнодорожный вагон-люкс, подаренный Ким Ир Сену в августе 1946 года И.В. Сталиным. В вагоне полностью сохранена первоначальная обивка, мебель

и обстановка. Известно, что Ким Ир Сен никогда не путешествовал самолётом, предпочитая старую добрую железную дорогу современным летательным аппаратам. Этому же правилу придерживается и нынешний руководитель КНДР. Среди тысяч дорогостоящих подарков вызывают восхищение уникальные изделия из слоновой кости и нефрита, вырезанные китайскими мастерами. Например, родное подворье президента Ким Ир Сена в Мангендэ, размером с небольшой журнальный столик, вырезано из цельного куска слоновой кости бригадой резчиков из пяти человек с фотографической точностью и так тонко, что можно пересчи-

тать по отдельности листья на деревьях и стебли риса в снопах.

Подарки из России можно условно разделить на две группы: оружие и хохлома. Охотничьи ружья Ким Ир Сёну последовательно дарили Хрущёв, Брежнев, Ельцин и Путин, а хохломскую роспись – гости рангом ниже.

Интересно заметить, что даже самые заклятые антикоммунисты, правители Южной Кореи Ли Сын Ман, Пак Чжон Хи и Чон Ду Хван тоже присылали подарки президенту Ким Ир Сёну. Восток есть Восток.

У Ким Чен Ира экспозиция скромнее – всего 50 с небольшим тысяч подарков, но она резко пополняется во время очередного юбилея руководителя страны.

Рёнмунскую пещеру в уезде Качжун геологи обнаружили во время разведки местных гор на предмет наличия каменного угля. Общая разведанная длина пещеры – около 11 километров, но туристам обычно показывают только первые семь, где уже проложены тропинки и установлена подсветка.

В горном храме.

Горное ущелье по пути в Вонсан.

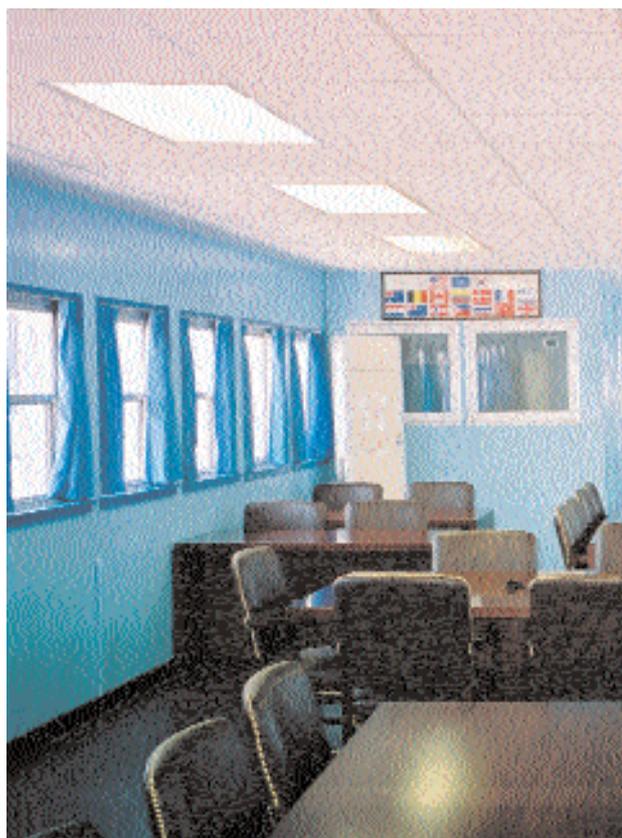
Храм Сунрён в Пхеньяне.

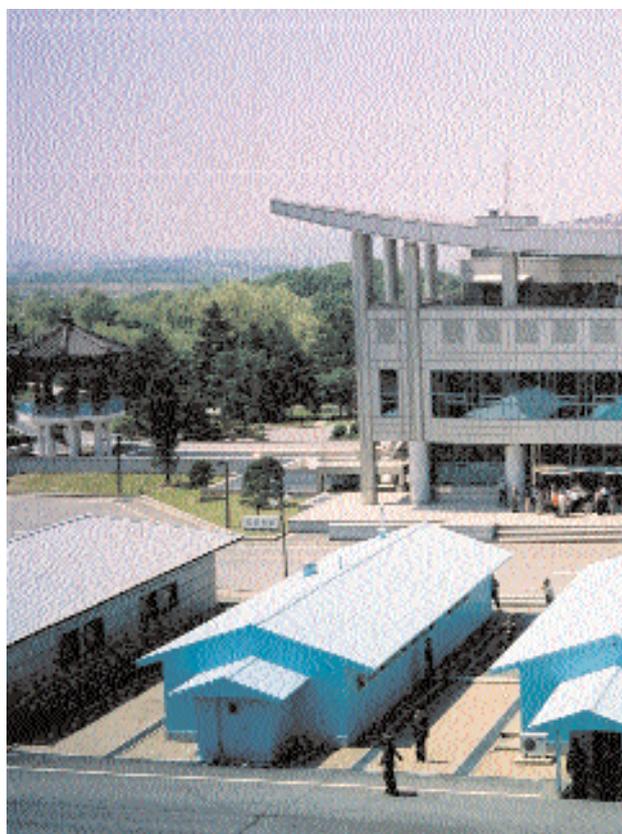
Но и эта часть пещеры впечатляет достаточно. В толще горы скрыты огромные подземные залы и узкие переходы, сталактитовые и сталагмитовые наросты, разноцветные игольчатые кристаллы и 30-метровой высоты водопады. Внутри пещеры всегда постоянная температура – плюс 11 °С. В одном из дальних залов есть источник минеральной воды «Адальсан». Считается, что женщины от употребления этой воды молодеют и хорошеют лицом, а если бездетная пара сделает по три глотка воды одновременно, то у них обязательно появится ребёнок. Правда, как пояснили экскурсоводы, в течение суток после этого супругам очень рекомендуется... как бы сказать, закрепить эффект.

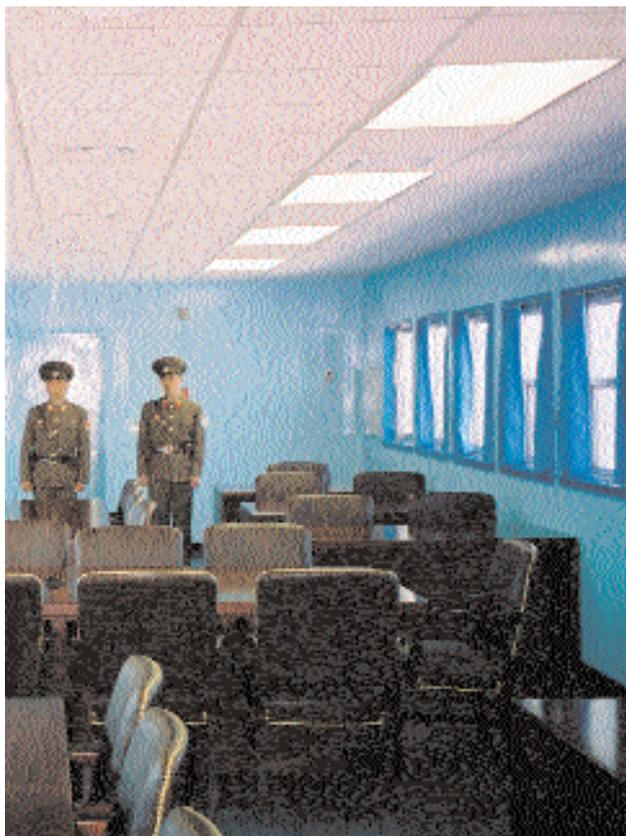
Кстати, эта тема у нас недавно выплеснулась на страницы печатных изданий в виде научных статей, околонучных словопрений и откровенно скабрёзных историй. В Корее даже намёков на сей счёт не услышишь. Нравы здесь пуританские. Парни обеспеченной вечерами катаются с девушками на велосипедах, а те, кто попроще, сидят со своими избранницами на скамейках под ветвями раскидистых ив на набережной Тэдона. Никаких поцелуев, никаких объятий, никаких посиделок на коленях – так, только разговоры и обмен взглядами. Девушки ни в коем случае не могут признаться парням, что испытывают к ним какие-то чувства. Каким образом доходит дело до свадьбы – непонятно. А в том, что свадьбы в Корее – явление обычное, мы убедились неоднократно во время наших прогулок по Моранбону и другим паркам Пхеньяна. Невесты в ярких свадебных нарядах, женихи в строгих тёмных костюмах и обязательных белых перчатках сразу же после официальной регистрации брака отправляются гулять и фотографироваться с друзьями и подругами, пока родственники готовят праздничный стол. По старинному обычаю, жених дарит невесте деревянную расписную утку, которая является символом дружбы и семейного согласия. И действительно, корейские семьи обычно очень крепкие, процент разводов в КНДР – один из самых низких в мире.

В последний день нас повезли в Пханмунчжом, на юг, а точнее, на 38-ю параллель, по которой с 1953 года проходит граница между Северной и Южной Кореей. Граница – это всего лишь военно-демаркационная линия, повторяющая линию фронта по состоянию на момент заключения соглашения о перемирии. Признать её государственной границей в полном смыс-

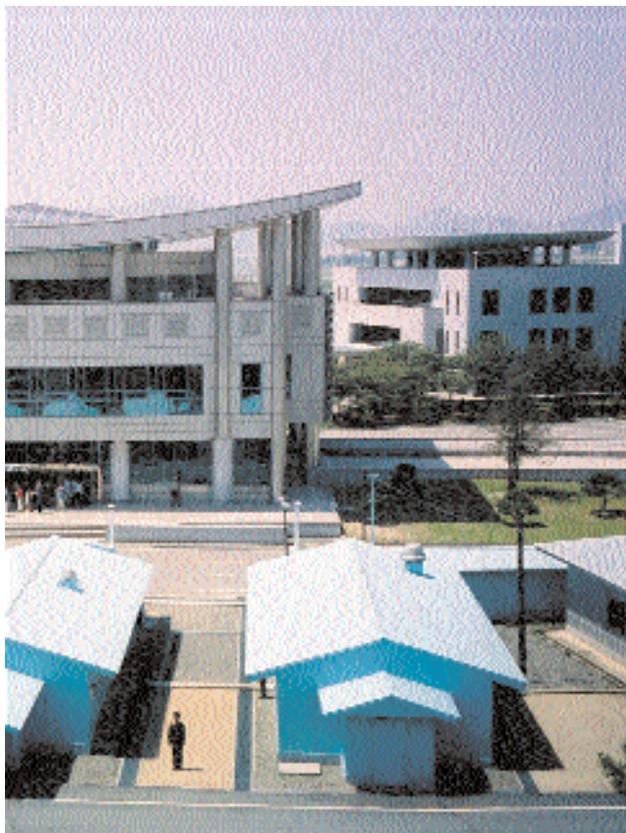

В домике для переговоров.

Здесь проходит граница.

// зима 2006 //

ле этого слова ни одна из сторон не хочет, ибо тогда будет увековечен раскол страны.

Тщательная проверка документов начинается ещё на дальних подступах к демилитаризованной зоне, где плотные ряды колючей проволоки и автоматчики на каждом углу. Состав группы для посещения демилитаризованной зоны должен согласовываться заранее, в чём мы убедились, когда подъехали к первому КПП. Оказалось, что нашему водителю и одной из девушек разрешения на въезд в зону ещё не успели оформить. Поэтому им пришлось выйти из машины и остаться при въезде, возле ржавого знака времён войны с надписью по-английски: «Здесь проходит северная граница демилитаризованной зоны». После некоторой задержки место водителя занял офицер госбезопасности, к нам в «Тойоту» сели ещё трое военных (как пояснила наша переводчица, один из них был нашим экскурсоводом, а двое остальных – охранниками, на случай непредвиденных обстоятельств), и мы покатили по узкой дорожке к виднеющемуся километрах в двух к югу холму с белым двухэтажным зданием на вершине.

Микроавтобус остановился на небольшой площадке в сосновой роще с северной стороны здания, оцепленной солдатами. Покидаем машину и вместе с офицером-экскурсоводом в сопровождении двух солдат проходим сквозь просторный холл на южный фасад здания, откуда к границе спускается широкая каменная лестница.

Военно-демаркационная линия представляет собой бетонную полосу, с одной стороны которой по стойке «смирно» стоят бойцы Корейской народной армии в зелёных гимнастёрках и фуражках, а с другой, буквально в десяти шагах от них – южнокорейские солдаты. Они одеты в пятнистую маскировочную форму американского образца и американские же каски с большими белыми буквами «MP». Даже стоят южане как бравые янки, заложив руки за спину и широко расставив ноги в высоких шнурованных ботинках.

Как только мы появляемся на вершине лестницы, на той стороне начинается какое-то движение. Краем глаза успеваю заметить, как из большого белого здания на южнокорейской стороне двое военных наводят на нас мощные бинокли и начинают пристально разглядывать. Должен сказать, ощущение не из приятных.

Демаркационная линия проходит сквозь ряд лёгких домиков, в которых в 1953 году проходили переговоры о прекращении огня между КНДР и американским командованием.

Одна половина такого домика находится в КНДР, другая – в Южной Корее. С торцов устроены двери. Внутри домика граница представляет собой ряд микрофонов, разделяющих широкий стол, за которым в июле 1953 года сидели корейская и американская делегации.

Такой домик – единственное в своём роде место, где можно беспрепятственно перейти из Северной Кореи в Южную и обратно. Правда, только в пределах комнаты. По взаимной договоренности сторон, туристов в этот домик водят по очереди: группа с Юга, затем группа с Севера. Сначала в домик заходят солдаты, закрывают изнутри дверь на сопредельную территорию и становятся возле неё, после чего внутрь запускают туристов. Выслушав рассказ офицера-экскурсовода и походив туда и обратно через «границу», посетители выходят на свою территорию, после чего солдаты отпирают дверь и подают знак противоположной стороне. Процедура повторяется в зеркальном варианте.

Вскоре из южнокорейского здания вышла группа туристов. Американский офицер, в камуфляже и кепи, уверенной походкой спецназовца подошёл к ним, повернулся спиной к северу и зычным голосом, усиленным мощным мегафоном (так, чтобы хорошо было слышно на северной стороне), начал излагать туристам американскую версию трагических

событий, происходивших в этих местах более полувека назад.

Раскол единой страны – это огромная неутраченная боль для корейцев как на севере, так и на юге. Не говоря уже о разлучённых семьях и родственниках, которые лишь в последние годы получили долгожданную возможность увидеться друг с другом и навестить могилы предков, сам факт искусственного размежевания некогда единого народа заставляет всех корейцев, с кем нам приходилось общаться на эту тему, горестно сжимать руки. Но о перспективах объединения обе стороны высказываются достаточно осторожно: слишком много условий необходимо выполнить, чтобы такое объединение состоялось. Одним из фундаментальных условий является, прежде всего, вывод американского 40-тысячного экспедиционного корпуса из Южной Кореи, и в этом точки зрения Севера и Юга совпадают.

На выезде из Пхеньяна шоссе, ведущее на юг, проходит сквозь красивую арку в виде двух корейских женщин, протягивающих руки навстречу друг другу. Руки соединены надписью «Три хартии объединения». Хочется верить, что придёт тот день, когда все корейцы действительно будут жить в одной большой и сильной стране.

Фото автора.

Монумент крылатому коню Чхоллима.

